

МИХ. АСЛАМОВ

ПУСТЬ
НАСТЕЖЬ
ДВЕРЬ

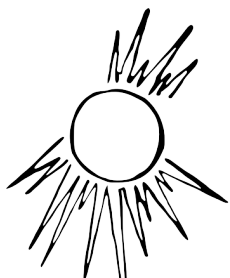
Михаил Феофанович Асламов родился в 1929 году в поселке Каменка Тетюхинского района Приморского края. Отец его был плотником на рыбокомбинате, мать работала в за-сольном цехе.

С 1943 года, после окончания школы-семилетки, Михаил стал токарем. В 1946 году поступил учиться в техникум и, получив специальность механика, работал в Комсомольске и Хабаровске.

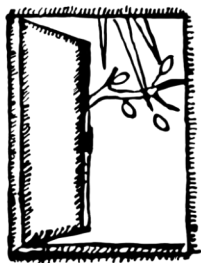
Первое стихотворение Михаила Асламова появилось в газете «Молодой дальневосточник» в 1958 году. С того времени имя молодого поэта все чаще появляется в дальневосточных и центральных газетах и журналах.

Предлагаемый читателям сборник стихов — первая книжка Михаила Асламова.

МИХАИЛ
АСЛАМОВ

ПУСТЬ
НАСТЕЖЬ
ДВЕРЬ

СТИХИ

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1964

P 2
A 90

ВЕСЕННИЕ СТИХИ

Весна восторженно и шало
Вступает в добрую игру,
Огни зеленого пожара
Из почек рвутся на ветру,

И в разливное бездорожье
Уже спешат грузовики,
И зерна с верой в плодородье
Из щедрой падают руки,

И не стоитя на приколе
Штормами бредящим судам,
И молодой веселый колер
Старинным снится городам.

В глазах, в воде
 дробится солнце
И просится на холст, на лист,
И где-то в темени оконца
Последний гибнет пессимист.

И сердце рвется беспокойно
Любить,
 работать,
 рисковать
И петь, так ярко и раздольно,
Как будто солнце рисовать!

Весна трубит, зовет:
 — Не спите!
Тянитесь к солнцу из квартир!..
Ищите
 солнечный
 эпитет,
Чтоб обозначить этот мир!

НАЧАЛО

Мальчишки! Забубенные мечтатели,
Целинники неведомых планет!
Про вас еще нигде не напечатано,
Вас даже в списках институтских нет.

Когда-нибудь вы будете за партами
Про сопромат вычитывать из книг,
А вас уж
 по законам сопроматовым
Лопата проверяет на изгиб.

Законы тяжелы,
 как тонны гравия,
И солоны, как выступивший пот...
Но гордо
 о начале биографии
Вам пропоет, звеня, водопровод!

А в том и счастье — знать:
 твоя дорога —
Из следа в след — дорога добрых мет.

Начало жизни.
Для ее пролога
Лопата — самый нужный инструмент!

УЕЗЖАЮТ МОНТАЖНИКИ

Бессемейные, безбагажные,
Нет цены золотым рукам —
Уезжают
друзья-монтажники
На тревожный зов телеграмм.

Телеграммы зовут,
и стало быть,
Где-то ждут их, моих друзей.
Ожидают их звонкие палубы
Начинающихся кораблей!

Не из выгоды —
сердцем велено
Отправляться в далекий путь,

Чтоб в стальную грудь корабельную
Беспокойную жизнь вдохнуть.

А когда
от сердцебиения
Задрожат стальные бока,
На прощанье, сдержав волнение,
Парни выдохнут:
— Ну, пока...

— Ну, пока! —
и гудком простуженным
Паровоз известит отъезд...

Хорошо,
если где-то нужен ты,
Как монтажники,
позарез!

* * *

Делит поезд расстоянья
На свиданья,
расставанья,
На прибытие и отъезд.
Вот сойти б
на Абакуре
Да в тиши для перекура
На валежину присесть...
Там спокойно и просторно,
Тишину в отрогах горных
Ели строго стерегут.

Спят,
 проникнувшись доверьем,
Незлопамятные звери
В незапятнанном снегу.
Спят немеченные кедры,
И небуженные ветры
Обрели в тайге покой.
Неиспитый,
 крепкий воздух
И нескитанные звезды
Над нехоженной тайгой.

Если в час великих таинств,
Скрыть плохое не пытаюсь,
Без двусмысленных затей
Ей поведать
 об утратах,
О душевных неполадках
И невзятой высоте, —
Честь по чести,
 все, как надо, —
Одарит тайга наградой,
В откровенье не скупа:
Чистотой своей напоит,
Сердце
 мужеством наполнит,
Чтоб в бою не отступал!

Делит поезд расстоянья
На свиданья,
 расставанья,
На прибытие и отъезд...
Вот сойти б
 на Абакуре
Да в тиши для перекура
На валежину присесть!

* * *

Жизнь щедра на людей хороших
Или я везуч? Не скажу.
Но куда б я ни был заброшен,
Непременно их нахожу.

Или бедствую,
или странствую —
Всюду чувствую локоть их.
Мне они,
как добрые станции
На дорогах моих крутых,

Где свободно, легко и песенно;
С новым другом присядь в тиши
И бреди
разговором-лесенкой
Этажами чужой души.

И все больше
света и воздуха
С каждым пройденным этажом.

Истекают минуты роздыха,
Отправленья час предрешен.
До свиданья!

На белом свете
Стало больше дружеских плеч.
Обернется разлуки ветер
Добрый вестником
новых встреч.

* * *

Душа и дом... А сходство есть, пожалуй.
Вот я опять

куда-то в скором мчу.
Молчит сосед, спокойный и поджарый.
Что ж, он молчит — и я пока молчу.

Но вот он папиросу вынимает
И говорит мне:
— Можно прикурить?

Но я-то вижу,
ясно понимаю,
Как хочется ему поговорить!

Поговорить — что хлебом поделиться!
И, перейдя души моей порог,
Во мне тем самым, значит, поселиться
На некий неопределенный срок...

Я открываю двери новоселу:
Входи, входи,
не жалко, брат, селись..
И, как поленья, пламенем веселым
Слова беседы нашей занялись.

Слова — дрова. Им полыхать невечно.
Возможно, что не буду я жалеть,
Когда из сердца
тихо и беспечно
Уйдет случайный гость или жилец.

Уйдет, как из вагона на перрон.
Но как-нибудь
за далью расстоянья
Проснется вдруг во мне воспоминанье,
И я пойму, что возвратился он...

* * *

Человек свою Землю выстрадал,
Нелегко ее обживал:
Обжигался о жгучие выстрелы,
Вместо хлеба жмыхи жевал.

И ругал ее,
но, раскаянье
Уронив из сухого рта.
Шел в лесное благоухание
Ставить светлые города...

Он отработал зло и напористо
И оттаивал весь в тепле.
Так и жил он
сладко и горестно
На двойкой своей Земле.

Ну, так как же:
Земля — болота?
Или, может, Земля — цветы?..

Очень было ему охота
Оглядеть ее с высоты!
Волновал Человека
синтез,
Человек о небе мечтал —
И под небо раскашивал ситец
И ракету изобретал.

И достиг своего:
однажды,
Солнце выцелив острием,

Сын Земли, молодой и отважный.
В ранний час покинул ее.

И над миром,
 новости вытеснив,
Загремело наперебой:
«Получается шарик
 в синтезе —
Удивительно голубой!»

УТРО

Небо словно протерли
Тряпичей с мелком,
Тянет мокрой щебенкой
И сыростью глины.
Поднимаюсь по лесенке
С крановщиком
И смотрю
Сквозь неясные окна кабины.
Звуки нового дня
Растревожили рань.
Снизу крики слышны:
— Начинаем ра-бо-ту-у!
И по первому знаку
Медлительный кран
Потянулся до хруста,
Сгоняя дремоту,
И враскачку
Понес в поднебесье бадью,
До краев нагруженную
Цементной жижей...

Кто-то весело крикнул:
— Не быть ли дождю?!
Эй! На кране!
Узнай!
Ты ведь к небу поближе!
И тогда,
Запрокидываясь смешно,
Прокричал крановщик:
— Что там, солнце,
Случилось?
И в ответ
Над отчизной
Светило взошло
И по грани хребтов
Колесом покатилося.
И уже затопило дневные пути
Половодье машин
И людей разномастье...
Пожелай,
Загадай в это утро
Найти —
Непременно отыщется
Новое счастье!

В НОВОМ ДОМЕ

Последний мусор вынесен
Из дома за порог,
Остались в доме

вымыслы

Девчонок-маляров.
Измазанные, рыжие
Они давно ушли.

Лишь сквозняки охрипшие
И тихо — ни души.
Беленый
и покрашенный,
Веселый и ничей.
Еще не знают скважины
Сквалыжников-ключей.
Ни коврики,
ни слоники
Еще не взяли в плен
Полов и подоконников,
И выглаженных стен...
На новый дом растроганно
С сочувствием гляжу.
Вхожу в него с тревогою —
На помощь прихожу.
Вхожу,
чтоб посочувствовать,
Терпенью обучить...

А в доме
солнце буйствует,
Столбом кипят лучи!
Во всем — в полах
и в извести,
И в газовой плите
Заложен принцип
близости
К великой чистоте.
Раскованная, бросакая —
В ней каждый штрих весом,
Как в строчках Маяковского
И красках Пикассо!
Ну, как такую выпачкать
И опорочить — как?

Я перед ней
на цыпочки
Перевожу свой шаг.
По половицам крашеным,
Стыдась, я выхожу,
Вчерашнее
из завтрашнего
Дома
выношу...

* * *

Крутит шорохи старый счетчик,
Отмеряя лампы горение,
Потому что не спится ночью
Мне и гостю —
стихотворению.
Мы с ним крепкого чая
завариваем,
Курим горькие папиросы.
Доверительно разговариваем
По сугубо личным
вопросам.
Нам легко в тишине мечтается,
Думы — складкой на переносице,
И медлительно
просыпается
Коммунальная разноголосица:
Наши фразы гудят, как лестницы,
Под ногами,
за день уставшими,
Разговорам, движенью, песенкам
Подчиняются ритмы наши.

И привычно
 в сугубо личное
Входит голос большого дома,
И обычное — необычно,
И знакомое — незнакомо...
И уставшее
 стихотворение
Припадает щекой к ладоням.

Лишь одни на ковре олени
До утра голов не уронят.

СТИХИ О ГАРАЖНОЙ УЛИЦЕ

Гаражная — негромкое название,
А потому оно вполне подходит
Для улицы рабочей, без реклам.
Живут на этой улице
 шоферы,
Суровые и прочные, как МАЗы
(А в сущности, нежнейшие ребята,
Особенно
 с сынами на руках);
А также проживают журналисты,
Упрямые, как факт передовицы
(Покладистый, скажу я вам, народ,
Когда приходит время поделиться
Своим добром
 с товарищем в беде)...

И есть на этой улице рабочей
Поднявшийся над прочими домами

Остроугольный стооконный дом Из кирпича, железа и стекла...

Когда погасят люди в окнах свет
(А это значит, что шоферы спят
И вскрикивают, если им приснится
Инспектор,
 делающий на правах прокол;

А также значит, журналисты спят,
Посмеиваясь добрыми губами,
Наверно, над удачным фельетоном),
Тогда тот дом

Неясных форм,
походит на корабль —
загадочный;

и мнится:
Из будущего в этот старый город,
Опережая время, он плывет,
Деревья обливая белым светом.
И фонари мигают, словно створы,
И город зыбок, будто океан...
Но наступает медленно реальность
И фабрикой становится корабль.
И девушки веселые

(как эхо,
Когда в горах смеется человек)
Склоняются к немолкнущим машинам,
И белые бесхитростные строчки
Бегут,
как строчки белого стиха!

И вот что важно — я прошу заметить —
Спят люди, крепко спят.

А в это время
Готовят вещи нужные для них:

Рубашки,
чтобы было в чем пойти
С любимой на веселый званый ужин;
И распашонки

розовым младенцам,
Капризным, как непризнанные гении;
И шьют великолепные кальсоны
(Весьма необходимая деталь).
И девушки торопятся, как будто
К утру все нужно кончить

и тихонько
По адресу обновки разнести.

А утром

в них оденутся шоферы
И будут развозить в автомобилях
Людей по магазинам и театрам,
Кирпич для новых школ,
и хлеб, и уголь;

И много дел великих совершат
Шоферы,
обновленно ощущая
Хрустящие спецовки на плечах!
И журналисты в новеньких рубашках
Прильнут к столам, как девушки к машинам,
И очерк —

очень умный и сердечный
Напишут про застенчивых девчат.
И солнечные гордые младенцы
Обмочат благодарно распашонки
(Пока лишь этот способ им известен,
Чтоб выразить немыслимый восторг).

И так начнет идти от сердца к сердцу
По городу
Большая Благодарность;

Так фабрика — активная молекула —
Реакцию цепную породит:
Добро о сердце высекает искру
И для добра
 воспламеняет сердце,
(И не было б реакции предела,
Когда бы черствых не было сердец,
Гнилых и, значит, неспособных вспыхнуть)

Так думал я об улице Гаражной,
Еще о том,
 какою благодатной
Планета наша стала бы для счастья,
Когда бы человека за добро
Другой хотел вдвойне вознаградить!

А девушки не видят и не слышат,
Как благодарно
 я шепчу «Спасибо!»
И улыбаюсь,
 прежде чем уснуть.

ПОЭТ

Отец мой тоже был
 поэтом.
Он, уговорам вопреки,
Уже больной, вставал с рассветом
И уходил
 слагать стихи.

Он затыкал топор за пояс,—
Его стихи не для пера,—

И разносился
до околиц
Звнящий голос топора!

Он выбирал по стуку бревна,
Он в бревнах плотность уважал,
Потом ошкуривал любовно —
До смысла, значит, обнажал.
И подгонял одно к другому,
И ставил рамы со стеклом.

И становились бревна
домом
То бишь лирическим стихом...

О, как гремело в них веселье
И разгорался пир горой,
Когда с размахом
новоселье
Справлял лирический герой!

Отца вином не обносили,
Он пил
и медленно хмелел:
— Строитель я!
В моей бы силе —
Я б землю всю в леса одел!
А есть ли что
в огромном мире
Такой прекраснее мечты!..

Под жестяною пирамидой
Лежат поблекшие цветы...
Иду я будущим проспектом,
Брожу с рассвета дотемна,

Где в память
 плотников-поэтов
Возводят светлые дома,
И почему-то эти зданья
С лежанками для облаков
Мне кажутся
 переизданием
Отцовских
 рубленных
 стихов.

КОНСТРУКТОРЫ

Здесь не в чести говоруны...
 Здесь истину
Глаголят цифр и чертежей уста!
И трут ребята ранние залысины
Над первородной свежестью листа.

Какие молчаливые ребята!
Но я-то знаю, —
 я и сам такой, —
Что точно так до времени
 граната
Молчит,
 послушной заперта чекой.

Под аксиомы старые,
 как мину,
Они подводят дерзостный эскиз.
Им дай размах!
 Настроившись немирно,
Клянут начальство за консерватизм.

Начальство же
настроено лояльно:
Оно придет, спокойное на вид,
И, шевеля косматыми бровями,
Над чертежами молча постоит;

Поговорит, щадя чужую гордость,
Привычно все прикинув на глазок, —
И «гениям» откроется,
как пропасть,
Постыдное незнание азов...

* * *

Как лихо спорят «эрудиты»!
Их фразы, что ножи,
отточены.
И скрипом вторят им сердито
Местпромовские
стулья-трончики.

На все взирая свысока,
Дерутся
будто вправду зубры,
Старательно скрывая зубы
Еще молочные пока!

Вот кто-то, месть врагу суля,
Смолкает,
побежденный кем-то...

Как тщатся выразить себя
Посредством
Рокуэлла Кента!

А ты молчишь,
со всех сторон
Зажатый бледными пижонами,
И руки крупные, тяжелые
Спокойно держишь под столом.

К пустым словам ты не привык.
Они — что галки оголтелые,
Вернее,
будто оглавления,
Вдруг отрешенные от книг!

До сути Кента не дойти
В тепле возвращенным эрудитам —
Она с металлами сокрыта
Под слоем вечной мерзлоты!

Она лежит не на виду,
А эти — пусть они талантливы, —
Они ни разу не таранили
Тяжелым буром
мерзлоту
И горьким потом никогда
Своих следов не орошали.

А человека выражают
Им созданные
города!

СОБИРАЮТ В ЦЕХЕ ЛЕБЕДКИ

Дело выпало не из легких,
Без умения не подступиться:
Собирают в цехе лебедки
Для взыскательной заграницы.

Боевые ребята — мечтатели,
Заводские ударники признанные,
Проверяют детали тщательно,
Ладят, гладят,
 будто вылизывают.

Не скрывают: конечно, лестно им
За границей умением прославиться.
Только где там!

 Дело известное:
Неизвестными так и останутся

И кому нужны их фамилии
Где-то в Чили или в Бразилии?!

Суть не в том,
 а в фирменном адресе,
Марка русская — вот что в силе!
Чтобы где-нибудь
 в Буэнос-Айресе
Говорили: «Сильна Россия!»

...Наклонясь к верстакам, рабочие
Проверяют зазоры, винтики.

Наши слесари озабочены,
Как солдаты
 и как политики.

СНАБЖЕНЕЦ

Вот он идет

с рулончиком бумаг,
Здороваясь, не убавляет шага.
Не чародей, конечно, и не маг,
Но в трудный час

перехитрит и мага.

Для волшебства же явно скуп лимит
И коротки безжалостные сроки...
Пока лимит

металлом

загремит,
Успеют выжать из снабженца соки.
И мечется

пожарником в дыму
И радуется, если найден выход...

Нашептывает некто, что ему
Снабжение приносит много выгод.
Что ж, он согласен.

Да, согласен он:
Коль выгодой считать, к примеру,

выговор,

Больное сердце, беспокойный сон,
То — спору нет — ему снабжение выгодно!
Да, выгодна и впрямь такая жизнь,
Когда снабжение понимать, как творчество,
Да, выгодна,

когда так страстно хочется
Своим трудом приблизить коммунизм.

ЖЕНЩИНЫ В СПЕЦОВКАХ

Мы сидим,
ногами побалтываем,
Будто «па» на лесах
отрабатываем,
Озорно девчатам кричим.
А девчата стены гляncуют —
Ах, как ладно!
Будто танцуют,
Ноль внимания на мужчин.
Мы вниманием не балованы:
Не изнежены,
не целованы...
Где там, черт побери, раствор!
Отпускаем шуточки желчные:
Где, мол, женщины,
ваша женственность,
Ручки—лебеди, томный взор?
Куцый ватник
кому понравится!

Вдруг взглянула одна красавица —
Мы все шулки —
на тормоза.
Ни спецовки, ни глины, ни извести —
Ничего!
Только в страшной близости
Ослепительные
глаза!
Смотрит требовательно и строго
То на нас,
то себе под ноги,
А у ног ее — мастеров...

Не встаем мы, нет, мы —
срываемся!
И, сшибаясь лбами,
склоняемся
У измазанных глиной ног!

СТРОГИЙ ГОРОД

Я к таким
величаво строгим
Городам еще не привык.
Вытираю смущенно ноги
Об асфальтовый половик.

Я, приезжий,
вхожу с надеждою
На доверье и доброту.
Головами кивают вежливо
Тополя в городском саду.

Только
как непривычно пусто!
Порошит деловито снег,
Тротуары пусты,
как русла
Бушевавших когда-то рек.

Нет хозяев, но их присутствие
Ощутимо, как цепкий взгляд:
Где-то молоты бьют безустали,
Краны башенные скрипят.

Я брожу и, волнуясь, слушаю
Голос сильных и молодых...
День уходит
 к закату и ужину,
И к открытию проходных.

Скоро хлынет
 в русла заснеженные
Человеческая река,
Зашумит
 просветленно и сдержанно,
Перехлестывая берега.

И тогда
 город щедро вынесет
Все, что есть за душой, как друг...
А пока
 холодит меня с вывесок
Настороженность строгих букв,

Насмотрелись
 гостящих
 разных...
Я запомню это навек.

Видно город не любит праздных,
Он трудящийся человек.

Не ведало его воображение

Ни тени,

ни оттенка,

ни мазка.

Он города делил с пренебрежением:

Одни — «москва»,

другие — «не москва».

Его послушать — города вставали,

Как в комнате с кривыми зеркалами.

Москва,

всего московского лишённая,

Жила увеселеньями дешевыми

С гуляками, девицами свободными

И тешилась коктейлями и модами.

О «не москве» он говорил:

— Тоска...

И, так сказать, вполне принципиально

Их относил в разряд провинциальных.

Я от него не слышал никогда

Про мудрые, как древность, города,

Где каждый камень напоен звучаньем

Далеких дней —

и гордых и печальных...

Про дерзкие, как юность, города,

Где все в начале,

все еще в начале!

Лежат железом,

глиной,

кирпичами

Мосты,
 дома,
 ажурные порталы,
Которые сложить еще осталось...

Вы слышите все это, города?!
Своих даров ему несете россыпь,
А он себе копается в отбросах
И лжет на вас,
 не ведая стыда!

* * *

Есть у меня своя столица
В душе, сияньем залитой:
Там орудийные зарницы
Сжигают сонный травостой,
Там
 глухо цокающей степью
Летят буденовки в намет,
Там делегаты плотной цепью
Выходят
 на кронштадтский лед,
Там укрепились прочно вехи
И ало светят паруса.
И там прописана навеки
Моя
 советская душа.
Я так живу...
 Но все же, все же,
Мои провинности тая,
Во мне занозою под кожей
Сидит провинция моя.

В ней дом
 затянут паутиной
Страстишек мелких и забот,
И крыша, крытая рутиной,
И глухо тянется забор.
В нем окна,
 будто амбразуры, —
Боязнь вторжения извне,
И разноцветные посулы
Сидят по лавочкам в избе.
Со мной неладное творится:
Я поддаюсь им...
 В этот миг
Вскипает яростно столица
И подступает напрямик!
И в час сурового прозренья
Я различаю звук свинца,
И значит — бой без примиренья,
Бой —
 до победного конца!

ДЕВОЧКА

Ах, толчея базарная,
Водоворот страстей!
Кипит толпа азартная,
Как ворох новостей.
Торгуют спелой ягодой
Трудяги-торгаши —
Выдумывают
 тяготы,
Сшибают барыши.

Иду торговой линией
Сквозь крик и смехопад...
Девчонка

тонкой лилией
Среди цветастых баб.
А у нее в ладошках
Бумажные кульки,
По-взрослому

дотошно
Считает медяки.
А перед ней

брусника
Рассыпана в тазах,
А у нее

грустинка
В застенчивых глазах.
Глядит она задумчиво,
Торгует не спеша.
И говорит заученно:
— Берите, хороша...
Я — горсть на пробу:

— Верно,
Брусника — высший сорт...
А рядом голос:

— Ведьма!
Чего раскрыла рот?
И красная, как гильза,
Мне тетечка, хрипя:
— Горстями?

Постыдился б
Обманывать дитя!
Пылает, словно факел...
Я деньги подаю.
— Ее бы — в детский

лагерь, —
Я тете говорю.

А девочка покорна,
Работа не игра...

А ночью будут
горны
Ей снится до утра,
Над злым
благополучием
Отрядный сбор трубить...
Эх,
торговать научится,
Разучится дарить!

ДАЧНИК

Меня «по-свойски»
хитро потчует,
Подносит розовый ранет...
А я смотрю:
не дача — вотчина,
Чего-чего здесь только нет!

За частоколом острогривым
Рычащий страж на поводке,
И тесно
яблокам и сливам,
Как гривнам в толстом кошельке.

Крыжовник пялит, словно боров,
На гостя мутные зрачки,

А дальше —
 прорва помидоров,
Вконец завянувших с тоски.

Не дача —
 сплошь статья дохода,
Хозяин к этому привык.
А он ведь с нашего завода,
А он ведь...
 Да, передовик!

Притих я, как от боли саднящей
Мне помидорные кусты
Напомнили вдруг чем-то
 кладбище
И подорожные кресты.

Он землю медленно копает,
Он раб — я вижу по спине.

Как проглядели?
 Больно мне:
Живой — он душу погребает!

НОЧЬ

Ночь, огни с фасадов обрывая,
Проплыла неслышно за двенадцать —
До утра ей плыть.
Мне не спится.
 Двери открываю,
Выхожу спокойствия набраться,
Тишины испить.

Тротуаром, неуместно гулким,
Я шагаю.

Тишины засилие,
Поздней ночи власть...
Но в ветвях

над сонным переулком
Тишина как будто балансирует,
Чтобы не упасть.

Шум машин.
Часов полночных тиканье.
Окна в спящем городе
неспящие —

Здесь и вдалеке.
Видно, ночи
абсолютно тихие
Где-нибудь под стеклышком выращивают
В глиняном горшке.

Там живут — в ночах тех доморощенных
По законам праздной невесомости
Сытых душ и слов.

.

Слышу:
постовой шагает площадью
И спешит машина скорой помощи
На тревожный зов.

* * *

Он жил.
Любил шашлык под перцем,
Ходил болеть на велотрек.

Он обладал прекрасным сердцем —
Розовощекий человек.
И был вполне по чину грозным,
И покомандовать не прочь...

Его потерянно и слезно
Просила женщина помочь.
Пришла в расчете на заботу,
К нему бежала от беды.
А он с трудом скрывал зевоту,
Молчал — как в рот набрал воды,
И в сущности,

От папки розовой своей.
Бубнил:

«Какое там несчастье!
Дела есть ваших поважней...»
И женщина

той скоротечной
Беседе подводя итог,
Сказала: «Эх, вы, бессердечный...»
Оглядываясь на порог,
Как будто бы сидел напротив
Не человек, а так, предмет...

Да, мудро принято в народе
Судить о сердце:

Не по тому, что, дескать, бьется
 И у рентгена на виду,
 А по тому,
 как отзовется
 На чью-то горькую беду.

ПУСТЬ НАСТЕЖЬ ДВЕРЬ!

Я берегусь закрытой,
Как порока!
Пусть настежь дверь,
Хотя бы потому,
Чтоб перешла через порог
Дорога
И подступила к сердцу моему.
Чтобы всю жизнь
Мне дом был,
Как привал
На полпути
К какой-то новой тайне —
Я на старуху-смерть тогда
Плевал:
За мной ей не успеть,
А дома — не застанет.
Пусть настежь дверь,
Чтобы ударил в грудь
И опьянил
Веселый ветер странствий!
Мне будет легче так
Перешагнуть
Через твое, любимая,
«Останься»...

Когда уйду —
А я опять уйду! —
Пусть она останется открытой,
Чтоб свет ее
Сквозь дальнюю беду
Дошел ко мне
И стал моей защитой.

Пусть настежь дверь,
Чтобы в чужих краях.
Когда тоска незванная
Проснется,
Я видел бы
Любимую в дверях —
Прозрачную в лучах
И сердце — солнцем.
Чтоб сквозь туман
Ошибок и побед
Его горячий луч
Ко мне пробился,
Чтоб я в пути
Заветный видел свет,
И тосковал,
И к дому торопился.

КУЗНЕЦОВСКИЙ ПЕРЕВАЛ

— Почему перевал называется Кузнецовским?

— В честь одного из строителей железной дороги, погибшего здесь, в отрогах Сихотэ-Алиня...

Разговор в вагоне.

Я дверь открыл в гремящем тамбуре
И замер — в поручень рука...
Там, под обрывом,
 словно в таборе,
Вповалку спали облака.

А поезд мчался, как по лезвию,
Срывался с тенора на свист

И балансировал над бездною
Как опытный эквилибрист...

Не Геркулеса и не богова
Дорога звездами пылит —
В зверей, срывающихся с логова,
Стрелял в упор теодолит.

И люди шли по трассе заданной,
Где, что ни шаг, то — пот и кровь;
И, как подкошенные, падали,
Раскинув руки,
 у костров.

И подрывались. Да.
И палами
Катилась огненная жуть.
И это все
 ложилося шпалами,
Чтоб нас за горы вывел путь.

...Вершины подрезая косо,
В рассвет врываясь состав.
В пути
 уснуло беспокойство,
К рукам натруженным припав,

И бредит в снах дневными рейсами,
Мечты и планы торопя.

Спешит, чтоб шпалами и рельсами
Легла дорога для тебя.

ЭХО

Осень травы сжигала в логах
И дожди на цыплячьих ногах
По тайге кочевали.
Мы спешили — успеть до зимы:
Ровной просекой надвое мы
Глухомань рассекали.

Рассекать — это звон высекать
Из дерев.

Это — гать пролагать
Через брюхо трясины.
День за днем — напрямик —
день за днем...

И усталость
гвоздь за гвоздем
Забивала нам в спины!

Мы шумели:
— На кой оно ляд!
Перестукам и выкрикам в лад
Откликались нам горы.
Ох, и звончатый гул в топорах!
Ох, и чуткое эхо в горах —
Не смолкали повторы.

И казалось, что там, далеко,
Там, куда нам дойти нелегко,
Вот такие же парни
Так же рано, как мы, встают,
На сухие ладони плюют —
Валят лес до испарины!

И казалось, гремит по стране
Перекличка рабочих парней,
Ей хребты — не помеха.
Знают это
 стволы кедрача,
Да поселок лесной Синанча,
Да таежное эхо.

«МАЛЬЧИКИ»

По центральной улице
Стиль-мальчики
Башмаками давят
Солнечных зайчиков,
По асфальту тянут ноги
С вывертом...
Как бы скуку мальчикам
Выветрить?
На афишах так себе:
Бах... Скрыбин...
Им бы выпить,
 да отцы —
Скрыги.
И вздыхают горько-горько:
Жизнь — мачеха...

Может внешне это все,
А, мальчики?
Показуха, так сказать,
Пройдет вскорости!

Что-то вроде оболочки
Для совести.

Вот кричите вы кому-то:
— Эй, парень!..

А парням-то вы еще
Не пара.

Парни

прячтся

На разных работах,
Парни мокнут, как черти,
В болотах,
От мошки и от разлук
Шалют!..

А попробуйте спросите:
Жалют?..

Понимаете, в чем дело:
Нисколько!

Удивительно, конечно,
что

Нисколько,
Если даже им земля
Вместо койки,
Если даже от разлук им
Горько.
Так-то, мальчики...

А вы
Чем выстрелите?
Что низвергнете

и что

Возвысите?

Скучно, скучно вам,
фрондерчики.
Паиньки...

Вас туда бы,
к парням —
В напарники!

НА ЗАКАТЕ

Л.А.

Я был тому свидетелем,
Как солнце рассыпалось.
Оно сначала медленно
Зажгло в полнеба парус
И, вспыхнув вдруг пожарищем,
Пробило смаху облако,
И, об утес ударившись,
Всю землю
красным
обдало!
Легли дороги зыбкие
Горящею водою,
Сверкая, брызги сыпались
На мокрые ладони.
Девчонка тихо
всплескивала
Алыми руками —
Ложились брызги
блестками
На воду и на камни.

И стали вдруг контрастными
Земные очертания,
И сердце
 ритмы частые
Вдруг стало отчеканивать,
Да гулко — будто молотом,
Да жарко — до запала,
Как будто песню новую
Оно в груди ковало!

* * *

Как раньше я понять не мог,
Чего мне долго не хватало...
Я слышу:

 прутья краснотала
Перебирает ручеек.

И пахнет лес над головой
Речною свежестью и смолкой.
Вот где-то вскрикнула

 и смолкла
Кукушка, скрытая листвою,

И на задумчивом ветру
Вяз старый

 шелестит былинно,
Жучок по тоненькой былинке
Ползет,
 штурмует высоту...

— И как ты жил, — гудят шмели, —
Без этого,

как хлеб,
простого —
Без ощущения простора
И теплой близости земли?..

А так и жил, что мне тесны
Бывали сутки,
как трамваи,
И все меня одолевали
Сомненья — смутные, как сны.

Теперь дано мне зачерпнуть
Тяжелой истины
пробелов...

Дивлюсь:
как много нужно сделать
И сделанного
зачеркнуть!

ПОВЕСТЬ О ДЕТСТВЕ

Ребятня, удобнее устроясь,
Как-то непривычно успокоясь,
Слушает с доверчивостью повесть —
Очень удивительную повесть.

Говорится в повести о детстве,
Но таком, что не поверишь сразу:
Будто плыло детство
морем бедствий
И взрослоло, не дослушав сказок.

СЫН

Он любопытством нас пленяет.
И как бы ни были крепки —
Игрушки, чашки расчленяет
В единый миг
на черепки!

Он хочет вникнуть в суть явления,
То весь — улыбка,
то — в слезах...
Пронзительное удивленье
В его младенческих глазах.

И рвется, рвется вон из комнат,
И синякам потерян счет...
Так удивленье
неуемно
Его к познанию влечет.

Растет потомственный рабочий
И задает в семействе тон!

Не стоит, может быть, пророчить.
Кем в этом мире станет он,
Какие тайны в озаренье
Отобразит на чертеже —
Как знать...
Пусть только удивленье
Не пропадет в его душе.

ВАЛЬС

Над юностью пали туманы,
Но входит с ней музыка в связь...
Опять заиграли баяны
Военного времени вальс.

И вновь
 молодым однолюбом,
Железной подковкой стуча,
Пройду я к рыбацкому клубу;
Отцовский пиджак на плечах...

На гвоздике лампа
 с простенка
Мигнет и прибавит огня.
Рыбачка — нарядная Ленка,
Смущаясь, окликнет меня.

Я вспыхну от радости жгучей
И тут же ее приглушу,
И Ленку на танец летучий
Небрежным кивком приглашу.

И словно бы так, между прочим,
Скажу невпопад, что люблю.
И снова

 ботинком рабочим
На Ленкин сапог наступлю.

И только с последним аккордом
Оставляю я Ленку-красу...

Уйду из военного года
И светлую грусть унесу.

ВЕТЕР

Сегодня ветер — уличный знакомец —
Мне почему-то пса напоминает,
Когда лежит он — голову на лапы —
В прохладе стен прерывисто дыша.
Он чутко дремлет.

А на тротуаре —
Клочки бумаги, как осколки блюда,
Расписанного нежно-голубым...
Вот он погнал их медленно по кругу,
Читая близорукими глазами.
Но почему так осторожен он?
И не смешно ли, что большого зверя
Интересует маленькая частность —
Разорванное на клочки письмо?

Письмо ли? Да. Какой неровный почерк!
«Прости меня, мой глупый, за обман,
Тебя я не...»

Оборвано.

Что дальше?
Клочок с «люблю», должно быть, затерялся.
Клочок с «люблю»...

Выходит, «не люблю»?!

Так вот в чем дело! Я предполагаю,
Что ветер оттого и осторожен,
Что хочет разобраться:

почему
Смешные люди разрывают письма,
Потом бросают горько на асфальт,
Растерянно и некрасиво морщась?

Но очень трудно в этом разобраться —
Он — честный ветер
и совсем не знает
Ни ветреных поступков, ни измен...

Однако он характера мужского:
Он приподнялся
и подбросил кверху
Безжалостно бумажные клочки!
И закружились белые осколки,
Смешавшись с пылью,
взмыли по спирали,
И вот уже пропали, потонули
В огромной чаше с голубой водой...

Как вспылчив ветер!
Он принципиален
И убежден, что люди пишут письма
Не для того, чтоб разрывать их горько:
Слова — не одуванчик на ветру!
Никто его не убедит,
что можно
Чернилами, такими голубыми,
Какой одна доверчивость бывает,
Писать
обмана черные слова.
Вот дело в чем.
И я согласен с ним,
Я тоже верю в голубые письма...

ЧЕРЕМУХА

Брату Алеше

Над сопками
 и над слияньем рек
Всходило солнце, рассыпая радуги.
И зернышком в прозрачной виноградинке
Угадывался
 в утре
 человек.

Вот на пригорок он легко взбежал.
В одной руке белело что-то, пенясь.
И неуклюже, будто подбоченьясь,
Он правую
 на поясе держал.

Он подходил — и смог я различить
Большой букет
 и руку на букете:
Казалось, никому теперь на свете
С черемухой его не разлучить.

А та, другая, правая, была...
Вернее, правой не было, а просто
Рукав ремнем был прибинтован плотно.

Ах, как в тот год черемуха цвела!

С нелепо укороченным плечом
Шел человек. Он явно волновался.
И как-то отрешенно улыбался
И припадал к черемухе лицом

Шел у калиток, хриплых от забот,
Где старики с лицом желтее воска,
Сквозь очередь у хлебного киоска —
С черемухой.

На солнце.

На восход.

И были удивительно легки
Его шаги. И — набекрень фуражка.
И женщина в толпе вздыхала тяжело
И все глядела вслед из-под руки.

Смотрел и я. Смотрели старики.
Так удивленно, будто бы впервые
За всю войну

ликующе живые

Черемуха

роняла

лепестки.

* * *

Подходит поезд к станции.
И вот на весь перрон
На сотни вариаций
Гремит веселый звон!
В мороз двадцатиградусный,
Сухим снежком пыля,
Дед выпускает радостно
Птиц из куля.

И дует в них,
и будит в них
Певунью-струну,
И люди

в том небудничном
Весеннем плену
Притихли, изумленные:
— Ну, и артист!..
Уходят просветленные,
С собой уносят птиц...
Пробьет состав колесами,
И с ним во все концы
Уйдут

разноголосые
Весенние гонцы.
И дед уйдет.

А с вечера
До утренних зарниц
Из глиняного месива
Лепить он будет птиц,
И, мучаясь бессонницей,
Чтобы не скучать,
Начнет он

в тихой горнице
Их песням обучать.
И ту избу скрипучую
Опять минуют сны...
Полна душа певучая
Предчувствием весны.
И снова

в день заснеженный,
Седой зиме назло,
Проезжим

чувство нежное
Подарит ремесло.

ДОРОГА В ГОРАХ

Взревел мотор — и разом закружило.
Все наяву — и словно бы сквозь сон:
То вниз летим (дорога — что пружина),
То в поднебесье медленно ползем.
Тут в лоб не взять упрямых перевалов,
Петляет ЗИЛ, простуженно хрипя.
Немыслимая

долгая кривая
Ведет на гребень гордого хребта.
Он будто грива, вскинутая круто.

Земля! Я убеждаюсь с высоты:
О, как умела яростно и крупно
И бунтовать,
и возмущаться ты!
И что за цель звала и распирала
Желаньем грудь — ты знаешь ли сама?

Как вкрапины в зеленом минерале
По склонам гор
молочные дома.
Похоже, что хозяйственник рачительный
Их разбросал веселою рукой.
Но мне шофер, задорный и общительный:
— Тут вся округа кормится рудой!
Вон — видишь ли? — гора, вершина голая, —
И показал направо головой, —
Там, в той горе, лежит несметно олова,
И за столетье не поднять его!
А тут, — и снова жест, — свинец и барий. —

И, завершая поворот крутой,
Он заключил:
— Богато место, парень!
Я ж говорю, что кормимся рудой.

Опять мы с неба падаем в ущелье,
Дорогу черти, видимо, сплели...
Так вот

таится что
за возмущеньем,
За каменной гримасою Земли!

Подумайте:

неистово и трудно
Издrevле Человека полюбив,
Она ему выплескивала руды
Из сокровенных огненных глубин.
Открылось ей, что,
начиная с тигля,
Он выплавит из всех ее щедрот
Могущество,
которое достигнет
Загадочных космических высот!
И, как она,
в богатстве будет щедрым,
Себя во всем на крохи не деля...

Глухие взрывы потрясают недра,
И тяжело
вращается
Земля.

Я пиво пью.

И он садится рядом,
Он ставит кружку пенную:

— Порядок!

Какая сумасшедшая жара...

А я молчу.

Я думаю: неужто
Еще вчера я жил с ним душа в душу
И другом называл его вчера?
Он тихо жил

за фразою затасканной,
За светлыми улыбчивыми глазками,
Во глубине таящими испуг.
Не предал он, за мелочь не продался —
Он только заступиться отказался,
Когда нелепо обвинялся друг
И честность друга ставилась на карту.
Он явно уклонялся от дебатов
И говорил невнятно и темно...
Он с жадностью на пиво налегает,
Я кружку, не допив, отодвигаю
И говорю презрительно:

— Дермо!

И тотчас он: — Да, да, дрянное пиво...
А смотрит не в глаза,

куда-то мимо,
Не поднимая потного лица.
Что ж, может, вправду
пиво не по вкусу...
Я убедился лишний раз,
что трусость

Во все века
во вкусе подлеца!

УЛЬБИНКА

Как девчонку
 зовут речонку:
Имя ласковое — Ульбинка.
Словно девушка на вечорке,
То веселая, то с грустинкой;

И узка по-девичьи в талии
Речка быстрая, ключевая.
У истоков ее
 усталое
Нынче облако ночевало,

На заре
 от прохлады утренней
Шевелило во сне боками.
Потру здесь
 мальчишки мудрые
Колдовали над поплавками,

И девчонки в дешевых туфельках
Мыли волосы в ней
 льняные,
И отчаянно, с криком ухали
К ней в объятия ледяные,

И плескались
 до белой накипи,
И смеялись легко, победно,
И разбитого солнца капельки
Запускали обратно в небо...

И мала,
а ведь сколько радости
Принесла Ульбинка девчонкам!

Видно есть
великая надобность
В невеликих таких речонках.

ШТОРМ

Люди с берега смотрят пристально:
Только море гремит у пристани
И не видно во тьме судов.
И, подхваченный ветром бешеным,
В злую темень, дождем завешенную,
Уплывает призыв-гудок.

Разгоняемые норд-остом,
Бьются в берег валы со злостью
И грохочут до хрипоты.
Бродят по морю блики-отсветы,
Облака штормовые сослепу
Натыкаются на хребты.

Воеет ветер, скалами суженный,
А в домах
остывают ужины
В ожидании рыбаков.
Над домами — удары шторма,
А на окнах
подняты шторы,
Сколько их — таких маяков!

Ждут ловцов под родными крышами,
Все тревоги, мольбы услышаны,
И сильнее призыв гудка.
И, качаясь в размахе сектора,
Шарит по морю луч прожектора,
Как спасительная рука.

ПРОВОДЫ В НИКОЛАЕВСКЕ

Уходит «Хабаров».

Наверно, полгорода
Пришло на бетонную эту грядку.
Спасибо за то, что вы дарите, проводы,
Нам, людям, высокую
чувств наготу.

«Прощайте...»

«Пишите!..»

«До встречи, родимый...»

Целуются, с плеч уронив рюкзаки.

И девушка с борта

букет георгинов

Роняет на желтую воду реки.

И кто-то

кому-то

желает удачи,

И кто-то

кого-то

теряет навек...

На палубе гулкой отвергнуто плачет

Плечистый

и мужественный человек.

Я чувствую смутно и жалость,
и зависть:
Смешение чувств, невозможно понять...
Как много, должно быть,
здесь нужно оставить,
Чтоб так вот
тяжелые слезы
ронять.

* * *

Когда вы, недоступны и тихи,
Сидите у большой реки на камне
И щеки подпираете руками —
О чем вы думаете
у реки?

В подобный миг не кажется ли вам,
Что часто вы сбиваетесь на суетность:
И спорите,
и рядитесь,
и судитесь,
А все впустую, так, по пустякам...

Нередко вас несет куда-то вбок
Заманчивая близость
мнимых ценностей...
Я знаю: вы завидуете цельности
Реки, что мудро плещется у ног.

Ей тоже так бывает, как и вам,
Что трудно, и тоскуется,
и стонется,
А все же и на миг не остановится:
Ведь впереди
указан
океан!

Да, мужества реке не занимать,
О, эта верность
выбранному руслу!..
А если человеку стало грустно,
То человека надо понимать.

Пусть помолчит. Недаром он ушел
От споров,
от обиды,
от опеки...

И хорошо,
что существуют реки
С понятливой и цельною душой!

КОЛОДЕЦ

Пустыней,
белой, как полуда,
И огненной, как Дантов ад, —
В кинолучах — шагали люди
Уже который день подряд.

Туда — навстречу с басмачами,
Где ожидал их трудный бой.

И жарко бредили бахчами,
Лесной Россией и водой.

Все шли и шли. И тихий хлопец
Упал и двигался ползком...

И вдруг
наткнулись на колодец,
Полузасыпанный песком.

Бойцы и кони подходили,
И было видно нам из тьмы,
Как флягу первую делили
Между людьми и лошадьми...

Течет безжалостная Лета —
Такая мутная вода!
Но в Лету канувшую ленту
Я вспоминаю иногда.

Вот счастье все мне не дается,
А я не очень молодой.
Ну, бог с ним...
Мне бы стать колодцем
С незамутненной водой.

НА УТЕСЕ

Как лошади, откинув гривы,
И с поднятою головой,
Всею грудью
падают обрывы
На плотный ветер штормовой.

Смотрю с могучих плеч гиганта,
От края метром отделен
И словно тоненьким шпагатом
К земной основе прикреплен.

Вдруг ветром
 вновь меня накрыло,
И пропасть ширится, маня...

И древняя тоска по крыльям
Вскипает в сердце у меня.

ВЕРБОВАННЫЕ

На палубе раскинулись вербованные,
Узлы и ноги
 вдоль и поперек.
И с ними я меж сундуками коваными —
Свой чемодан под голову — прилег.
Лежу себе, разглядываю медленно
Весь этот пестрый, любопытный люд.
Поют девчата,
 от загара медные,
Рязанское да вятское поют.
Выводят
 упоительно и сочно,
С особым откровением таким,
Как будто сокровенный узелочек
Развязывают
 с чем-то дорогим.
Я думаю о жажде освоения,
Которая в крови у россиян...

От светлого задумчивого пения
Разволновался
 Тихий океан.
Для них не ново:
 через всю Россию,
От дедов, от антоновки — туда,
Где холода
 и зверю не по силам,
Не за рублем,
 а — строить города!

КАРТИНА

Живет она
 в дальнем плаванье,
В застуженной глубине.
Проста
 и просто оправлена,
Каютной под стать стене.

На ней одинокая бухта
И ветхий рыбацкий дом,
И
 начинается утро
Лазурью на голубом.

Написан этюд искусно,
Подводнику повезло,
Хотя большое искусство,
Конечно же, обошло.

Но, видно, не вся в том мудрость,
Чтоб с бронзовым ярлыком,
А важно, чтоб было —

 утро
И ветхий рыбацкий дом...

Устав от дороги пройденной, —
Немало пришлось проплыть, —
Придет он сюда,

 чтоб с Родиной
Один на один побыть.

Чтоб
 невозвратно канувшее,
Что-то свое-свое,
В память упало
 камушком —
В звончатый водоем...

НА ОТДЫХЕ

Что значит вовремя послать все к черту!
Бессонницам заплачено сполна.
Мир предстает, сверкающе отчетлив,
В лазоревых
 и голубых тонах.

Спокойствие,
 ни взлета, ни паденья,
Сомнения — и те приглушены...

— Да так вот, прозябаем...

А может в этот час

Мы

Прозреваем?

У МОРЯ

Вечно море шумит...

Только шум этот разный:

Если занято море работой гранильной,

То грохочет,

набрякнув до сини чернильной;

То бессвязно поет, если выпадет праздник;

Иногда — разгуляется дико, отчаянно,

Изорвет на груди своей в клочья рубашку...

И под шум его

молодо и бесшабашно

Я подумал:

действительно жизнь нескончаема!

Скалы виснут над бухтою

многоэтажные.

Бухта, солнцем толченым набитая, пенится...

Мама вынесли к берегу важных младенцев,

От сознания

собственной вечности

важных.

А на берег волна за волной набегают
Меж зеленых камней без следа пропадают.
Зарождаются новые волны в просторе.
Не стихает прибой.
Бредит вечностью море...

СОДЕРЖАНИЕ

Весенние стихи	3
Начало	4
Уезжают монтажники	5
«Делит поезд расстоянья»	6
«Жизнь щедра на людей хороших»	8
«Душа и дом... А сходство есть, пожалуй»	9
«Человек свою Землю выстрадал»	10
Утро	11
В новом доме	12
«Крутит шорохи старый счетчик»	14
Стихи о Гаражной улице.	15
Поэт	18
Конструкторы	20

«Как лихо спорят «эрудиты»!	21
Собирают в цехе лебедки	23
Снабженец	24
Женщины в спецовках	25
Строгий город	26
«Не ведало его воображение»	28
«Есть у меня своя столица»	29
Девочка	30
Дачник	32
Ночь	33
«Он жил. Любил шашлык под перцем»	34
Пусть настезь дверь!	36
Кузнецовский перевал	37
Эхо	39
«Мальчики»	40
На закате	42
«Как раньше я понять не мог»	43
Повесть о детстве	44
Первый полет	45
Сын.	47
Вальс	48
Ветер	49
Черемуха	51

«Подходит поезд к станции»	52
Дорога в горах	54
«Я пиво пью»	56
Ульбинка	57
Шторм	58
Проводы в Николаевске	59
«Когда вы, недоступны и тихи»	60
Колодец	61
На утесе	62
Вербованные	63
Картина	64
На отдыхе	65
«Есть час такой»	66
У моря	67

Асламов Михаил Феофанович

ПУСТЬ НАСТЕЖЬ ДВЕРЬ. Хабаровское
книжное издательство, 1964. 72с.

Редактор А. И. Рыбочкин.

Художник Г. П. Зинченко.

Художественный редактор А. В. Колесов.

Технический редактор М. Д. Кайдалова.

Корректор А. А. Приходько.

* * *

ВЛ 13020. Подписано к печати 16/І 1964 г.

Бумага 60x84/₃₂=1,125 б. л., 2,05 п. л., 2,92 уч.-изд. л.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 5211. Цена 15 коп.

* * *

Типография № 1 Краевого управления по печати,
г. Хабаровск, ул. Л. Толстого, 3.

1. The first part of the document is a list of names and titles, including "The Hon. Mr. Justice" and "The Hon. Mr. Justice".

2. The second part of the document is a list of names and titles, including "The Hon. Mr. Justice" and "The Hon. Mr. Justice".

